

УДК 94.47

Китайский хлеб для России: русские продовольственные закупки на Дальнем Востоке в 1917 г.

Максим Викторович Оськин,

кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-правовых дисциплин Института законовещения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, Тула.
E-mail: maxozv@yandex.ru

В период Первой мировой войны продовольственный вопрос стал для России одной из важнейших проблем общегосударственного значения, приведших к революционному кризису 1917 г. и его дальнейшей эскалации от Февраля к Октябрю. Предвоенный статус Российской империи как хлебного экспортёра позволял государственной власти считать продовольственную безопасность страны вполне обеспеченной. Поставки русского хлеба в союзные государства продолжались практически всю войну, однако уже в 1915 г. Россия перешла к закупкам мяса в Монголии (для вооружённых сил в целом) и Иране (для Кавказской армии), а с 1917 г. — к заготовке различных видов продовольствия в Северном Китае (Маньчжурии), намереваясь в случае успеха кампании расширить территориальные рамки деятельности российских организаций.

В последнем случае правительство страны (сначала царское, а затем Временное) преследовало две цели. Во-первых, обеспечить продуктами питания население Забайкалья и Дальнего Востока в условиях прогрессирующего транспортного и продовольственного кризиса. Во-вторых, создать запасы экспортного хлеба на послевоенный период, чтобы решить проблему получения валюты, сохранить статус хлебного экспортёра в голодавшую Европу и утвердить положение России как великой державы-победительницы на международной арене (в т.ч. в экономическом отношении). Из-за революционных событий эти цели так и не были реализованы, но постановка и организация закупочной структуры, равно как и начало закупок, говорят о том, что государственная власть страны в условиях тяжёлой войны не только мыслила категориями сиюминутных, текущих потребностей, но и ставила перспективные, стратегические задачи великодержавного характера.

Ключевые слова: Министерство продовольствия, «Монголэкс», закупки скота, экспортный хлеб.

Chinese grain for Russia: Russian food procurements in the Far East in 1917.

Maxim Oskin, Institute of Jurisprudence and Management of the All-Russian police association, Tula, Russian Federation. E-mail: maxozv@yandex.ru

During World War I (1914—1918), the issue of provision supply became one of essential national-level problems for Russia resulting in revolutionary crisis of 1917 and its further escalation from February to October. The Russian Empire's pre-war status as grain exporter allowed the government to consider the country's food supply safety attained. Supplies of Russian grain to allied countries continued virtually throughout the entire war, but already in 1915, Russia proceeded to purchasing meat in Mongolia (for armed forces in general) and Iran (for Caucasian army); from 1917, diverse provision types were preserved in North China and Manchuria: Russia prepared to expand the territorial limits of its organizations' activity in case of the preservations' success.

In the latter case, Russian government (first, the tsarist, then the Interim Government) pursued two aims. First, providing food for Transbaikalia and Far East under conditions of transportation and food supply crisis evolving in Russia. Second, making a stock fund of export grain for the post-war period to solve the problem of currency purchase, preserving the status of grain exporter to the starving Europe and confirm Russia's position of a great victorious country on the international scene (inter alia, in economic respect). Due to revolutionary events, these aims were never attained, but management and organization of purchase structure, as well as beginning of procurement, confirm that under conditions of an exhausting war, Russian government was not only thinking in terms of instantaneous current needs of the country, but also set prospective strategic tasks of a great-power nature.

Key words: Ministry of Food, “Mongoleks”, purchase of cattle, export grain.

Накануне Первой мировой войны сильными сторонами Российской империи, являвшейся одним из лидеров Антанты, считались многочисленность её граждан (следовательно, и высокая численность потенциальной армии военного времени) и продовольственная безопасность, что было связано со статусом страны как одного из ведущих мировых экспортеров хлебных продуктов. Избыток продовольствия в России, экспортировавшийся в соседние государства, составлял перед войной 656 млн пудов хлеба и 20 млн пудов картофеля: «...имея 7,8% населения мира, Россия давала более 25% мирового производства зерна» [3, с. 48]. Соответственно, если оценивать ситуацию в стране накануне войны, продовольственная проблема перед российским военно-политическим руководством не стояла. Военное интендантство распределяло продовольствие и фураж по войскам и производило закупки в фронтовой зоне ответственности, а МВД, в мирное время отвечавшее за пищевое обеспечение населения, и без того было перегружено правоохранительными задачами. В результате задачу закупки и поставки продовольствия для армии поставили перед Главным управлением землеустройства и земледелия (Министерство земледелия с конца 1915 г.), во главе которого стоял А. В. Кривошеин.

Первый год войны, как и ожидалось, не принёс с собой продовольственных проблем. Заготовка продовольствия и фуража для фронта имела широкие масштабы, и затруднения в снабжении действующей армии простекали исключительно из-за нерасторопности военных интендантских органов. Первым продуктом массового потребления, с нехваткой которого столкнулось Министерство земледелия при заготовках для армии, стало мясо. В начале 1915 г. в войсках был понижен мясной паёк с 605 до 410 г (норма мирного времени), а 24 мая Военный Совет вынес положение о всемерной замене говядины в тыловых частях другими видами мяса и рыбой [РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1439. Л. 3]. Чтобы уберечь российский скот от истребления для нужд армии, с конца 1914 г. Россия стала закупать крупный рогатый скот в Монголии. Результатом этого стало Высочайшее повеление о создании особой экспедиции по закупке скота в Монголии — «Монголэкс», которую возглавил выдающийся русский путешественник и исследователь Центральной Азии полковник П.К. Козлов.

Начав работу в конце июня 1915 г., до октября 1917 г. «Монголэкс» закупила более 300 тыс. голов скота [2, с. 33], что частично ослабило мясной кризис в России, сохранив от закупки и убоя скот европейской части страны. Руководство Отдела заготовок Министерства земледелия (Заготосель) в октябре 1916 г. предполагало, что в конце 1916—1917 гг. в Западной Сибири и Монголии будет заготовлено 4 млн пудов мяса [РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 81. Л. 162].

Важным следствием осознания проблемы стал переход к закупкам продовольственных продуктов в Северном Китае, к которым Россия активно приступила с 1917 г., начав с монгольского мяса и расширяя охват деятельности «Монголэкса» на Маньчжурию. Телеграмма П.К. Козлова в Заготосель 21 февраля 1917 г. сообщала о необходимых финансовых ресурсах: «...на последующие операции, Экспедиции, кроме имеющихся свободных около 2 млн руб., необходимо в миллионах рублей: март — 12, апрель — 8, май — 6» [ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 421. Л. 22].

После Февральской революции, в апреле 1917 г., Козлова отправили в отставку и новым руководителем «Монголэкса» стал один из его помощников А.А. Дудукалов. В апреле он получил от правительства на заготовку продовольствия 7 млн, а в июле — ещё 5 млн руб. 18 июля 1917 г. Отдел заготовок испрашивал кредит для Дудукалова в 10 млн руб. [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 4. Д. 147. Л. 30]. Уполномоченный «Монголэкса» во Владивостокско-маньчжурском районе ветеринарный врач А.С. Мещерский 31 марта 1917 г. сообщал из Харбина о первых итогах закупок в Маньчжурии: маршрутными поездами отправлено 60 210 пудов 15 фунтов говядины и 40 410 пудов баранины. Средняя себестоимость китайского мяса составила 5,86 руб. за пуд [ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 421. Л. 22—27]. Для сравнения: твёрдые цены за пуд говядины в Центральной России, установленные Особым Советом 15 января 1917 г., колебались по регионам от 8,80 до 9 руб. за пуд [ГАРФ. Ф. 6809. Оп. 1. Д. 69. Л. 13].

Однако главный упор российских продовольственных закупок в Китае в 1917 г. был сделан на хлеб и крупы. Вопрос об организации закупки

хлеба в Маньчжурии возник ещё осенью 1916 г. в управлении Главноуполномоченного по закупке хлеба для армии Н.А. Гаврилова. Его телеграмма от 17 ноября 1916 г. поручала местному уполномоченному Д.И. Золотову выяснить возможность покупки в Маньчжурии пшеницы: сколько её можно приобрести и в какие сроки. 16 декабря Золотов ответил, что можно купить «громадное количество пшеницы» при цене 1,35 руб. за пуд. Также он указал, что маньчжурское зерно имеет большую влажность (до 14%) и сорность и в данный момент «при существующих средствах передвижения вывоз зерна в западном направлении почти безнадёжен, а хранение зерна на местах закупок возможно без больших затрат только до апреля 1917 г.» [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 3]. Невзирая на транспортные затруднения, 9 января 1917 г. Особое Совещание по продовольственному делу поручило уполномоченному по Акмолинской области А.В. Цеклинскому закупить в Маньчжурии до 4 млн пудов пшеницы по цене не выше 1,6 руб. за пуд. Эту операцию Цеклинский должен был провести совместно с Золотовым, которому 31 января 1917 г. предложили дополнительно приобрести 600 тыс. пудов ржи и 250 тыс. пудов крупы. Российские уполномоченные уже к 7 апреля закупили около 2,2 млн пудов различных хлебопродуктов [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 8 об.—9].

Закупая китайское зерно, Россия преследовала две цели. Во-первых, снабжение войск и населения Восточной Сибири, так как железные дороги не справлялись с подачей грузов в Сибирь и из Сибири, и особенно в дальневосточный регион, являвшийся потребляющим. Вторая цель была стратегической и заключалась в образовании продовольственного «резерва для использования его по наступлению возможности вывоза в Европейскую Россию, где истощённые запасы хлеба не могут быть восстановлены немедленно даже и по окончании войны». Так как предполагалось закупать хлеб про запас, Цеклинскому и Золотову рекомендовалось приобретать зерно, а не муку, в связи с более длительными сроками хранения (мука имеет влажность не более 13—14%). После Февральской революции, 24 апреля 1917 г. Временное правительство поручило министру земледелия А.И. Шингарёву закупать в Маньчжурии, помимо пшеницы, ещё и чумизу, кукурузу, бобовое масло. К 10 июня Д.И. Золотов, ставший уже уполномоченным Министерства земледелия в Маньчжурии по заготовке хлеба для армии и населения, закупил 1,3 млн пудов пшеницы, 917 тыс. пудов муки-крупчатки, 198 тыс. пудов овса, 505 тыс. пудов проса, 349 тыс. пудов гречневой крупы. Часть продовольствия была отправлена в Забайкальскую область и Иркутск. Золотов сообщал, что «вся закупка велась через местного коммерсанта Н.И. Маркса» с уплатой ему комиссионных в 2 коп. с пуда по линии железной дороги и 3 коп. по реке Сунгари и «при его ответственности за хранение и сдачу до момента погрузки купленного продукта». Выслушав отчёт Золотова, продовольственное Совещание в Харбине 13 июня 1917 г. приняло решение «производить закупку зерна безостановочно». Причина: «Снабжение за последние годы зерном Сибири от Иркутска на восток с полной определённостью убеждает, что обойтись без маньчжурского хлеба тут нельзя» [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 3, 9 об.—11, 37 об.—40].

Созданное в начале мая 1917 г. Министерство продовольствия Временного правительства, которому теперь подчинялось всё продовольственное дело в России, намеревалось основать особую закупочную организацию для работы в Маньчжурии. В отношении дальневосточного рынка новая власть ставила перед собой несравненно более широкую задачу, нежели царское правительство. Теперь перспективная цель китайских закупок несла в себе идею образования крупных продовольственных запасов во имя сохранения в послевоенный период статуса России как сельскохозяйственного экспортёра, несмотря на тенденцию снижения сбора хлебов в Европейской части страны. Помимо этого, послевоенный экспорт хлеба позволил бы государству получить валюту, необходимую для расчёта за военные поставки союзников по Антанте.

Представление о замыслах Министерства продовольствия даёт докладная записка граждан М.Б. Лурье и В.И. Иванова от 26 мая 1917 г. о закупке продуктов в Маньчжурии: «Считая необходимым для государства теперь же позаботиться о приобретении возможно большего количества разного рода хлебных продуктов, которые можно было бы с окончанием войны выпустить на европейский рынок и тем хотя немного поднять стоимость нашего рубля, и, принимая во внимание, что в России, ввиду переживаемого нами хлебного кризиса, едва ли удастся выделить для вывоза значительное количество зерна, мы полагаем возможным закупить для этой цели продукты в пределах Маньчжурии». Предложение: скупать в Маньчжурии зерно, бобы, горох, овёс, немного вывезти в Россию для городов, а остальное складировать в Харбине и на пристанях и станциях. Причём сразу можно было закупить до 3 млн пудов пшеницы старого урожая по цене 2,20 руб. за пуд. Карандашная резолюция министра продовольствия А.В. Пешехонова на этой записке: «В.Н. Башкирову. Необходимо срочно составить доклад об организации закупки» [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 1—1 об.]. Председатель самарского Биржевого комитета Башкиров в годы войны занимал должность уполномоченного Министерства земледелия в Самарской губернии. После Февральской революции он стал особоуполномоченным Министерства продовольствия, а в сентябре 1917 г. новый министр продовольствия С.Н. Прокопович назначил Башкирова своим товарищем министра.

16 июня 1917 г. в Харбине состоялось Совещание представителей Иркутского, Забайкальского и Приморского продовольственных комитетов и уполномоченных Министерства продовольствия Цеклинского и Золотова, где последний представил доклад о ходе заготовок в Маньчжурии, покупках различных товаров и транспорте. Совещание постановило: «Принять доклад Золотова к сведению впредь до создания в Маньчжурии особой закупочной организации и продолжать закупку ему» [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 6. Д. 161. Л. 6]. Продовольственные комитеты и интендантские органы дальневосточного региона должны были получить около 800 тыс. пудов китайского зерна и муки, а также более 40 тыс. пудов гречневой и пшённой крупы. В свою очередь, 6 сентября А.В. Цеклинского назначили старшим инспектором Министерства продовольствия

в Маньчжурии, Приморской, Амурской и Забайкальской областях, а также Иркутской губернии «для согласования и направления деятельности местных продовольственных органов и исполнения отдельных поручений Министерства продовольствия». Наконец, для усиления централизации 7 сентября в Харбине был сформирован Маньчжурский объединённый закупочный комитет во главе с Н. П. Луцким. В этот комитет вошли представители закупсбыта, кооперативов, союзов потребителей российского Дальнего Востока и «Монгольская Экспедиция во главе с Мещерским — на правах члена» [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 6. Д. 161. Л. 20—23]. Эмиссарами Министерства продовольствия в Маньчжурии стали чины Отдела зернохранилищ Государственного банка: Н. Н. Перекалин, И. В. Семеко, Н. В. Хардин, В. Г. Свительский.

Главным обстоятельством, осложняющим закупку продовольствия и скота в Маньчжурии и Монголии, стал недостаток финансового обеспечения. Согласно докладу во Временное правительство Отдела заготовки и снабжения мясом, салом и рыбой и организации холодильного дела, первоначально Особая экспедиция не нуждалась в деньгах, но «уже с первой половины 1916 г. закупки скота в Монголии на бумажные деньги» становились всё более затруднительными ввиду колебания курса рубля в зависимости от хода военных событий и вследствие развившейся на этой почве спекуляции с русскими деньгами среди китайцев. Поэтому были приняты меры к приобретению у монголов скота в обмен на различные товары из России, как, например, чай, керосин, ткани и проч. Однако этот способ меновой торговли не мог получить широкого применения вследствие недостатка товаров на русских рынках. В 1917 г. из-за быстрого падения курса рубля «монгольское население нередко стало отказываться принимать бумажные русские деньги, требуя уплаты серебром. Ввиду этого только предоставление в распоряжение Экспедиции плиточного серебра не менее чем на 5 млн рублей могло бы спасти положение и дать возможность хотя бы отчасти выполнить задания, поставленные Экспедиции в текущем году». В связи с продолжавшим действовать с 1915 г. запретом на вывоз серебра и других ценных металлов за пределы России, Отдел просил выделить для дальневосточных закупок серебро из резервов государственного хранилища, дабы не останавливать деятельность закупочных организаций в Монголии и Маньчжурии [ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1527. Л. 1—2].

Действительно, дальнейшая покупка хлеба и скота была возможна лишь при оплате продукции валютой или наличным серебром. Телеграмма Мещерского Пешехонову из Харбина от 9 июня 1917 г. сообщала: «Монгольская экспедиция министерства земледелия, заготовляя для армии мясо, сало, кожи, солонину, вынуждена в Маньчжурском районе, вследствие резкого падения русских денег, заключать контракты в иностранной валюте, закупая таковую в иностранных банках по весьма высокому курсу». Мещерский просил выдать ему 500 тыс. фунтов стерлингов «для заготовки текущего сезона или плиточное серебро на ту же сумму» [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 390. Л. 1].

Съезд уполномоченных Министерства продовольствия по Сибири и Монголии 1 июля ходатайствовал в Заготосель о немедленном отпуске Экспедиции плиточного серебра суммой до 10 млн рублей «в целях удержания курса рубля и необходимости использования иностранных рынков». В свою очередь, 27 июля 1917 г. А.А. Дудукалов предложил выделить «Монголэксу» 200 пудов ямбового серебра, находившегося в Харбине [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 4. Д. 215. Л. 8—9, 17]. Иными словами, для Монголии требовалось серебро, так как её поставщики скота предпочитали благородный металл, а для Китая нужна была валюта.

До войны расчёты с монголами при выгоне их скота в Сибирь происходили либо русскими бумажными кредитками, либо ямбовым (слитковым) или плиточным серебром, исчисляемым в ланах (лан серебра — 1/11 русского фунта, по весу — около 37,5 г). Из России в Монголию шло весовое серебро — слитки различной величины и веса (максимум до 2 пудов). Проблемой стало падение курса рубля: если в 1913 г. рубль равнялся 0,7 лана серебра, то в декабре 1916 г. — 0,33, а в июле 1917 г. — 0,13 [2, с. 174, 178]. В октябре уполномоченный «Монголэкса» по Ургинскому району Ц.Г. Бадмажапов телеграфировал из столицы Монголии в Заготосель: «...курс рубля оценивается в 16 копеек. Возможно скорое прекращение оборота русской кредитки. За отсутствием денег покупка прекращена. Дабы использовать момент, необходим срочный отпуск кредита». Бадмажапов особо отметил, что дороговизна продовольствия создана китайцами, контролирующими всё продовольственное дело в Монголии [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 4. Д. 147. Л. 40]. 21 октября 1917 г. Амурский областной продовольственный комитет также просил Петроград отпустить валюту для закупки продовольствия в Маньчжурии, так как выросла иностранная конкуренция [ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 85].

Периодически российским закупочным организациям приходилось проводить операции по получению именно той денежной единицы, которая требовалась в данный момент в данном регионе. Часть необходимого для расчётов с монголами серебра покупалась в Китае и, конечно, за валюту. Русский военный агент в Шанхае полковник К.А. Кременецкий 24 мая 1917 г. докладывал в Генеральный штаб, что русский подданный китаец Лю, приехавший из Петрограда, предлагает покупать в Шанхае серебро. Условия: каждую неделю Лю будет доставлять в Харбин 100 тыс. лан серебра (равняется 8,3 тыс. английских фунтов стерлингов), что предполагает покупку за валюту фактически «по курсу дня». Помимо того, начисляется плата за доставку серебра из Шанхая в Харбин и 2% комиссионных самому Лю. Платить будет Кременецкий в Шанхае «после получения телеграммы из банка о принятии каждой партии серебра в Харбине». Агент настаивал на серьёзности этого предложения, «так как [оно] идёт от директора Китайского Государственного банка с согласия министра финансов». Очевидно, шанхайский представитель рассчитывал на широкие связи, так как ещё 20 мая 1917 г. полковник Кременецкий докладывал и в Главное артиллерийское управление, что всё тот же Лю предлагает поставлять за мексиканские доллары следующие материалы: хлопок, свинец, олово, красную

медь в слитках, «сплав из старых китайских монет», селитру, аммонал, листовую медь, листовую латунь [РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 6382. Л. 7, 12, 14]. Иными словами, в Министерстве финансов должны были выбирать, что выгоднее: либо потратить валюту в Китае или серебро в Монголии, либо терять на разнице в курсах валют и драгоценных металлов.

В ответ на просьбы уполномоченных о выделении валюты 15 сентября Министерство продовольствия известило Мещерского и Дудукалова: «По установленному общему порядку окончательное заключение договоров на заграничные заказы может производиться лишь после разрешения Главным Управлением Заграничного снабжения... Самочинные заказы отдельными представителями в иностранной валюте или с расплатою по курсу рублями совершенно недопустимы, ибо губительно влияют на курс нашей денежной единицы и угрожают тяжкими последствиями для всей экономической жизни страны». Кредитная Канцелярия 7 октября информировала Мещерского, что «в целях финансирования закупок скота» в Шанхайском отделении Русско-Азиатского банка для него открыт кредит в 2 млн руб. и будет предоставлено ещё 3,67 млн [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 390. Л. 5—6]. Таким образом, намерения Временного правительства создать запасы продовольствия из продукции, закупленной в Китае и Монголии, на послевоенный период срывались из-за нехватки финансовых ресурсов. Количество серебра и валюты в распоряжении правительства было недостаточным, что, учитывая стремительное нарастание финансово-экономической зависимости от союзников, фактически подводило черту под замыслами, намеченными ещё до революции и ставшими необоснованно оптимистичными весной 1917 г.

На самом высшем уровне характеристика проблемы выразилась в «Представлении» министра иностранных дел М. И. Терещенко министру-председателю А. Ф. Керенскому об усилении русского влияния в Монголии от 26 августа 1917 г. В нём были представлены выводы совещания в МИДе 20 августа: «...в связи главным образом с исключительными обстоятельствами военного времени, крайне затруднившими для нас созидательную деятельность в Монголии, а отчасти и вследствие некоторых ошибок и несогласованности в работе представителей русских ведомств, несомненно, наблюдается значительное ослабление русского влияния в Монголии, которое, к счастью, китайцы из-за своих внутренних настроений не смогли использовать в полной мере, но которое грозит нам в дальнейшем очень тяжёлыми последствиями как политическими, так и экономическими». В отношении финансовой политики «Представление» подчёркивало: «Слабость нашего экономического влияния в Монголии главным образом объясняется полным почти прекращением, из-за товарного голода и расстройств транспорта, нашей ввозной торговли с одновременным усиленным вывозом сырья, из-за чего курс рубля падает ниже даже его стоимости на китайских рынках, не говоря уже о западноевропейских» [ГАРФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 63. Л. 1—5]. Как бы то ни было, тогда Керенскому было не до Монголии, ибо в тот же день началось реальное противостояние министра-председателя с Верховным

Главкомандующим ген. Л.Г. Корниловым, вылившееся в т.н. корниловское выступление, а потому решение вопроса было отложено до середины осени.

Осенью 1917 г., в условиях общенационального кризиса, закупки продовольственных продуктов в Монголии и Маньчжурии продолжались, постепенно теряя интенсивность. Тем не менее заготовительная инфраструктура расширялась, благо для этого не требовалась валюта. Например, телеграмма в Загосель из Читы от 18 сентября 1917 г. просила «для неотложных нужд строящегося Монгольской экспедицией мясного консервного завода из-за невозможности купить на местных рынках... включить эксплуатацию в программу прокатки ближайшего времени лысьвенских заводов». Требования Экспедиции: 2 тыс. ящиков белого палочного железа, 5 тыс. пудов 10-фунтового железа и 5 тыс. пудов 8-фунтового глянцевого железа [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 429. Л. 8]. Также в Иркутске «Монголэкс» построила мыловаренный и салотопенный заводы [1, с. 33].

После октябрьского переворота, в условиях разворачивавшейся гражданской войны деятельность закупочных организаций в Монголии и Китае по-прежнему продолжалась; «Монголэкс» закрыло лишь правительство А.В. Колчака. 9 ноября 1917 г. В.Г. Гей докладывал из Омска, что в 1918 г. в Маньчжурском районе, где работал Мещерский, можно было закупить минимум 2 млн пудов мороженого мяса по средней цене в 17 руб. за пуд и не менее 400 тыс. пудов топлёного говяжьего и свиного сала по средней цене 40 руб. за пуд. Для проведения операции испрашивалось 50 млн рублей эквивалентом в иностранной валюте. Здесь в 1917 г. заготовили 150 тыс. пудов мороженого мяса, 70 тыс. пудов солонины и 20 тыс. пудов сала. В Западно-монгольском районе, руководимом самим Геом, в 1918 г. можно было закупить 200 тыс. голов крупного рогатого скота и 300 тыс. баранов, для чего требовался кредит в 49 млн рублей, включая 35 млн «кредитными билетами старого образца, которые в ходу у монгол». По данному району от убоя, который уже активно вёлся на станциях Забайкальской железной дороги, ожидалось свыше 800 тыс. пудов мяса, в т.ч. 150 тыс. пудов баранины. Главным средством закупок должен был стать натуральный товарообмен: «Ввиду наступившего в Монголии полного товарного голода, Экспедиции при закупках скота необходимо применить товарообмен... От ввоза товаров зависит успех покупок». Гей просил 100 тыс. пудов муки, 15 тыс. юфтевых кож, 20 тыс. штук кирпичного зелёного и 8 тыс. чёрного чая [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 2. Д. 442. Л. 14—16 об.].

В середине ноября, пока не зная, чем закончится борьба за власть между большевистским Советом Народных Комиссаров и Временным правительством, В.Н. Башкиров в телеграмме Цеклинскому расставлял приоритеты деятельности российских закупочных организаций на Дальнем Востоке: «Министр продовольствия считает, что только распоряжения министра продовольствия, связанные единым планом заготовки, могут вывести родину из положения тяжёлого продовольственного кризиса, а потому предлагаю Вам исполнять только распоряжения Министерства продовольствия или его отделов» [ГАРФ. Ф. 1783. Оп. 6. Д. 161. Л. 36].

Таким образом, в период Первой мировой войны российское правительство закупало в соседних государствах не только материалы военного назначения или предметы, не изготовлявшиеся в России, но и тот ресурс, который до войны представлялся в империи неисчерпаемым, — продовольствие. В силу географических условий львиный объём закупок производился в странах Дальнего Востока — Монголии и Китае (часть продуктов покупалась в Австралии и Корее, а для Кавказского фронта — в Иране). На первом этапе (1915—1916 гг.) российское правительство имело главной целью закупок снабжение фронта продуктами, в которых империя испытывала недостаток (прежде всего не хватало мяса).

Однако в 1917 г. политическое руководство России пыталось решить вторую важную задачу — образование запаса продовольствия на послевоенный период, чтобы сохранить статус страны как основного экспортёра хлеба в Европу, справедливо опасаясь, что неизбежный в условиях войны подрыв отечественного сельского хозяйства не позволит немедленно возобновить крупный экспорт. Помимо того, власти намеревались поддержать падающий курс рубля на международных финансовых рынках после войны. Недостаток валюты, драгоценных металлов (серебра) и разнообразных товаров для бартера не позволили Временному правительству реализовать поставленную задачу. Тем не менее осознание кризисных явлений в российском сельском хозяйстве, подорванном войной, показывает, что государственная власть России (империи, а затем и республики) оценивала происходящие процессы в перспективе, готовясь закрепить положение страны в системе послевоенного устройства как великой державы не только в военно-политическом, но и в экономическом плане.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Даревская Е. М. Сибирь и Монголия: очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX в. Иркутск.: Изд-во Иркутского ун-та, 1994. 396 с.
2. Майский И. Современная Монголия. Иркутск: ГИЗ, Иркутское отделение, 1921.
3. Тюкавкин В. Г., Шчагин Э. М. Крестьянство России в период трёх революций. М.: Просвещение, 1987. 206 с.
4. ГАРФ (Гос. арх. Российской Федерации).
5. РГВИА (Рос. гос. военно-исторический арх.).

REFERENCES

1. Darevskaya E. M. *Sibir i Mongoliya: Ocherki russko-mongol'skich svyazey v kontse XIX — nachale XX v.* [Siberia and Mongolia: Essays on Russian-Mongolian ties in late 19th — 20th century]. Irkutsk, Izd-vo Irkutskogo universiteta Publ., 1994, p. 396. (In Russ.)
2. Mayskiy I. *Sovremennaya Mongoliya* [Contemporary Mongolia]. Irkutsk: Gos. izd-vo. Irkutsk. otd. Publ., 1921. (In Russ.)
3. Tyukavkin V. G., Shchagin E. M. *Krest'yanstvo Rossii v period tryoch revolyutsiy* [Russian peasantry during the period of three revolutions]. M.: Prosveshchenie Publ., 1987, p. 206. (In Russ.)